

Нина Костюкова

О КЛИРОСЕ И НЕ ТОЛЬКО

Несерьезные рассказы

Нина Костюкова

**О клиросе и не только.
Несерьезные рассказы**

«Никея»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Костюкова Н. П.

О клиросе и не только. Несерьезные рассказы /
Н. П. Костюкова — «Никея», 2019

ISBN 978-5-907202-24-5

Рассказы Нины Костюковой – живые, забавные, трогательные истории из жизни клироса, прихода, об известных московских священниках и о людях, пришедших в Церковь в 80-е и 90-е, о детях и о том, как непросто привести их к Богу.

УДК 821.161.1

ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907202-24-5

© Костюкова Н. П., 2019

© Никея, 2019

Содержание

Алтуфьевский клирос	6
На Преображенке	8
В Гребневе	10
Катехизаторские курсы	12
Легкость в мыслях	14
У меня есть квартира!	16
Пристрастие к пению	17
Савочкин	19
«Кто по городу не ходит, тот четыре кона водит!»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нина Костюкова
О клиросе и не только.
Несерьезные рассказы

© ООО ТД «Никея», 2019

© Костюкова Н.П., 2019

Алтуфьевский клирос

Когда я впервые в жизни разговаривала с отцом Дмитрием Смирновым, то нагло заявила ему: «Между прочим, я хорошо пою!» Батюшка посмотрел сверху вниз на мою щуплую фигуру и ответил: «Что-то не верится!»

Забегая вперед, скажу, что действительно, когда я стала ходить в храм, сразу начала болеть и красивый сильный голос мой пропал.

Впервые я увидела отца Дмитрия в алтуфьевском Крестовоздвиженском храме в мае 1984 года, в день именин. В конце литургии его вышел поздравлять старенький дьякон, говоривший с трудом и не очень внятно, и меня поразило, как именинник ему сочувствовал, сопереживал. После службы мы с бабушкой сели во дворе на лавочку и долго разговаривали.

С тех пор прошло много лет, сколько было исповедей и разговоров... Прочла, что когда Анна Ахматова была увлечена одним замечательным человеком, она посвящала ему стихи: «Вы мой светлый слушатель темных бредней», а когда отношения были разорваны, в новой редакции «светлый слушатель» превратился в «темного слушателя светлых бредней». Когда я стою в очереди на исповедь к бабушке, мне не надо задумываться и вопрошать себя: я точно знаю, кто «светлый слушатель», а у кого «темные бредни».

На клирос отец Дмитрий поставил меня сразу. Хор был любительский, левый, все чада отца Дмитрия. Регентовала и обучала нас очень серьезная тогда еще просто Таня, не Татьяна Павловна, как мы теперь ее называем. Все безоговорочно ее уважали, почти как бабушку. Даже имея за плечами музыкальное училище (а я тогда училась в институте), все равно было трудно разобраться в новых для меня церковных напевах. Кроме того, у меня все время на клиросе кружилась голова. Я жила очень далеко от алтуфьевского храма, дорога в один конец занимала с пересадками два с половиной часа, приходилось рано вставать, а ехала я на службу натошак. Работала в музыкальной школе и училась по вечерам в институте. Конечно, уставала. Один раз упала прямо в хор, который в это время пел: «Господи, помилуй». И хор спел это прошение глассандо, то есть плавно заскользил от верхнего звука до самого нижнего. После этого Таня долго не ставила меня на клирос, боялась, что опять упаду.

Занимались мы тайком на квартирах у певчих, которые жили недалеко от храма. Учили церковные песнопения, гласы. Нот не было, редко когда раздавали отсканованные листки, в основном переписывали от руки. К занятиям все относились очень серьезно. Звали друг друга только по именам, фамилии никогда не спрашивали, чтобы никого не подвести, разве только человек сам называл свою фамилию или давал телефон. Знали, что за храмом, за прихожанами наблюдали. Помню, как-то после службы мы стояли небольшой группой в притворе, разговаривали. Подходит к нам отец Дмитрий с каким-то юношей и говорит: «Вот, познакомьтесь, это Саша. Расскажите немного о вере молодому человеку!» Мы с жаром стали выполнять поручение. Молодой человек все время менялся в лице и упорно молчал, разговора не получалось. Позже мы поняли, что этот мальчик – присланная к нам комсомольская проверка. А однажды в храм пришла незнакомая пожилая женщина и, увидев Таню-регента на клиросе (худенькая Таня походила на школьницу), стала кричать: «Кто тебе разрешил сюда прийти? В какой школе ты учишься, я обязательно там расскажу!» Как-то я попросила у бабушки разрешения позвонить из сторожки. «Что ты, – махнул рукой отец Дмитрий, – телефон прослушивается!»

К сожалению, добросовестно ходить на спевки и службы у меня не получалось. Осложнились отношения с родными из-за веры. Мы жили в военном городке, рядом с аэродромом, мои отец и брат были военными. Но было очень радостно приезжать на клирос, к своим, к родным людям. Здесь я познакомилась и полюбила одну пожилую женщину, тетю Нину. Она рассказывала, как пришла к вере: жила в коммунальной квартире с очень скандальной сосед-

кой и благодаря ей научилась молиться. Да так хорошо, что сыновья ее стали священниками, а дочка – матушкой.

Вскоре из-за жалоб населения, что в церкви поют молодые певчие, мы стали носить старушечьи пуховые платки – так сказать, маскироваться. Это не помогло, наш клирос все равно разогнали. Но отец Дмитрий позаботился о нас и пристроил к своим знакомым регентам. Кто-то попал на клирос в Николо-Кузнецкий храм, а я стала петь в Никольской церкви на Преображенке.

На Преображенке

Храм святителя Николая на Преображенке был замечательный. И истории там случались на службе удивительные, и люди на клиросе были интересные. Церковное здание разделено пополам глухой кирпичной стеной: в одной половине молятся старообрядцы поморского согласия, в другой – православные. В полу на нашей половине есть небольшой люк, его никто не замечает; из-за довольно тесного расположения кухня с трапезной находится в подвальном помещении, туда и ведет винтовая лестница. А другая лестница из трапезной выходит прямо в алтарь. Был забавный случай, когда повариха, готовившая обед, закрутилась, вышла наверх не туда, куда надо, и вместе с кастрюлей оказалась в алтаре. Конечно, заново освящали алтарь.

Помню, в престольный праздник святителя Николая храм был полон, все священнослужители и хор были в сборе и ждали настоятеля, а он все не появлялся, видимо, проспал. Когда поняли, что дольше задерживать службу невозможно, дьякон по городскому телефону позвонил отцу настоятелю и попросил дать возглас к началу литургии. В трубке прозвучало: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!» Мы запели: «Аминь», и литургия началась.

Регент, к которому меня направил отец Дмитрий, Саша (теперь Александр Зиновьевич) Непомнящий, уже тогда был очень хорошим, знающим руководителем хора. У него был свой небольшой состав основных певчих, и приходили ученики. Так, например, мы очень подружились с милой Леной, супругой отца Артемия Владимировича; она очень образованный и глубокий человек, не менее интересна, чем ее знаменитый батюшка. Познакомились и с Андреем Гайдучком, братом отца Артемия. По сравнению с нами Андрей был уже настоящим певчим, хорошо знал церковный устав и службу, сам иногда проводил спевки. Сейчас он – игумен Сергей, духовник Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью. Еще две певчие, скромные воцерковленные девушки, ездили в Псково-Печерский монастырь к своему духовнику отцу Адриану.

А еще там была замечательная Наташа – очень красивая, изящно одетая молодая женщина. Первый раз я увидела ее в храме, она разговаривала с Сашей. Тот объяснял, когда начинается служба, во сколько нужно приходиться певчим...

– Нет! – решительно заявила она. – Я не могу так рано вставать. Самое большее, что я могу, – это приехать на службу к девяти часам!

«Ничего себе!» – подумала я. Также меня очень смущало, что Наташа красилась и много внимания уделяла одежде. Правда, все смотрелось на ней очень красиво. Как-то мы, певчие, девчонки, пели литургию, потом отдыхали и собирались на вечернюю службу. Наташа стала подкрашивать глаза. Мы, такие ревностные христианки, начали ее уговаривать:

– Наташ, ну не надо, ты же в храм идешь...

– Я не могу выйти без макияжа! – отвечала она.

Прошло много лет, мы, спорившие с ней, так и остались «при своих», а вот Наташа стала матушкой Антонией. Постриг она приняла еще в советское время во Франции, в православном монастыре. Наташа часто ездила за границу по работе, была знакома со многими русскими, жившими там, в том числе с очень известными эмигрантами аристократического происхождения.

Но в том монастыре ей показалось слишком комфортно, и она поехала за советом в Печору к отцу Адриану (Кирсанову). Он благословил ее вернуться в Россию и работать только для пропитания. Она так и сделала. Устроилась в издательство при храме и готовила календари с евангельскими чтениями на каждый день.

Она ездит в своей маленькой машине по Москве и, улыбаясь, рассказывает, что когда ее останавливает гаишник, то он в первую минуту из-за апостольника не понимает, кто перед

ним, мужчина или женщина. Чаще всего эта встреча заканчивается просьбой помолиться за раба Божьего и его семью. И Наташа молится. То есть не Наташа, а матушка Антония.

Все певчие очень любили регента Сашу, старались всегда слушать его. Мне казалось необычным, что он, музыкант с высшим образованием, советовал нам прислушиваться, как поет народ в храме. Мы с одной знакомой собрались в село Верхне-Никульское Ярославской области, на службу к отцу Павлу (Груздеву), и Саша велел нам обратить внимание, как там поют бабушки. Честно сказать, я совсем не пришла в восторг от пения деревенских бабушек. И только теперь, спустя тридцать с лишним лет, я что-то начала понимать в церковном пении.

Занимались мы с Сашей то у него дома, то в большой квартире у Андрея Гайдука, в той самой комнате с роялем, где раньше занимался другой брат отца Артемия, пианист. Стены длинного коридора были сверху донизу заставлены книжными полками. Иногда в этом коридоре мы встречали отца Артемия: если он никуда не торопился, то обязательно угощал нас чем-нибудь вкусным. Хорошее было время...

Я стала так страстно посещать богослужения, часто молиться, строго поститься, что восстановила против себя всех родных. И мне пришлось уйти из дома. А ведь это советское время, тогда нельзя было жить без прописки. Куда деваться? Отец Дмитрий стал искать мне квартиру – непременно с фортепьяно. «Ей нужен инструмент!» – говорил он.

И квартира нашлась, с инструментом, вернее, комната у его духовной дочери... Я назову ее Людой. Это была красивая женщина, крепкая, как казачка Аксинья в «Тихом Доне» Шолохова. Хочу сразу сказать, что она была и доброй, и трудолюбивой, позже мы с ней подружились. Но оттого, что мы очень разные, не сразу нашли общий язык. Хозяйкой Люда была образцовой, все у нее было на своем месте и в полном порядке. А у меня-то наоборот! Во-первых, я плохая хозяйка, дома только с книжкой сидела в своей комнате, келейный человек. (Когда мою сестру девчонки со двора спрашивали: «Где Нина?», она привычно отвечала: «Нина читает!») Во-вторых, и это главное, я очень переживала, тосковала по маме, с которой рассталась впервые в жизни, и все время пребывала в унынии, в каком-то оцепенении. Как только Люда увидела, что я не туда поставила туфли и подушки на кровати расставлены не так, тут и началось. Я беспрерывно просила у нее прощения – и совершала новые промахи. Один раз, когда ее не было дома, я взяла щетку и долго тщательно терла ванну. Мне хотелось сделать Люде приятное. Но когда она пришла, выяснилось, что это щетка не для ванны, а для тела.

Часто Люда – человек очень простой, непосредственный – приходила в мою комнату, садилась на стул и начинала разговор. Этого я боялась больше всего!

– Вот что мне делать? Я не могу тебя любить, не могу! – говорила она. – Я стараюсь – не получается, что мне делать?

Я не знала, что ей ответить, молчала, а внутри все сжималось. Или она вдруг приходила ко мне с вопросом:

– «И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его. Итак, если бы совершенство достигалось посредством...» (Евр. 7: 9). О чем здесь говорится?

Я понятия не имела, о чем здесь говорится, и молча смотрела на нее. Она, выждав паузу и закрыв книгу, говорила:

– Я так и знала, что ты не ответишь! А вот чада отца Владимира Воробьева на все имеют ответ!

И я была совершенно уничтожена: я даже не знала, кто такой отец Владимир Воробьев.

Когда я приходила в Никольский храм, все меня утешали, обещали найти другое место жительства. И в тот день, когда Люда унесла из моей комнаты цветы в горшках, сказав, что они, наверное, меня не полюбили, девочки с Преображенского клироса нашли мне квартиру. А тут и отцу Дмитрию дали Митрофаньевский храм. И начался новый период моей жизни.

В Гребневе

В тот год моя сестра родила дочку, муж ее уехал на заработки, наша помощница-мама еще не вышла на пенсию, и мне нужно было помогать сестре. Сама я работала в музыкальной школе. Приехав к отцу Дмитрию, я объяснила, что ездить в Алтуфьево смогу очень редко.

– Вот что, Нин, – подумав, сказал батюшка, – в ваши края перевели одного священника, он теперь служит в Гребневе. Знаешь это место?

Я не знала, но обещала отыскать и Гребнево, и священника.

Так я попала в гребневский хор и узнала и полюбила гребневского священника отца Аркадия Шатова, будущего владыку Пантелеимона, а также познакомилась с очень известной в церковной среде семьей Соколовых. Регентом гребневского хора была Люба – внучка церковного писателя Н.Е. Пестова и дочь отца Владимира Соколова, настоятеля московского храма Адриана и Наталии. Ее мама, Наталья Николаевна, автор книги «Под кровом Всевышнего», в которой описана жизнь этой семьи и часто упоминается Гребнево, где у них дача. Три сына Соколовых стали священниками (Серафим – будущий владыка Сергей), а две дочери – регентами (Катя регентовала в Киеве, во Владимирском соборе).

Наталья Николаевна (сама Наталья Николаевна!) приезжала из Москвы, чтобы готовить обед всей нашей гвардии. Ах, какими вкусными были эти обеды, какие душевные и сердечные велись тогда разговоры, какие смешные и милые истории можно было услышать за столом, который не помещался в маленькой комнате и краешек его выходил в коридор.

Отца Сергия Соколова, будущего владыку, я если и видела за эти годы, то один или два раза. Но вспоминали его часто. Один раз зашел разговор о том, как люди приходят к вере, как становятся священниками. Люба рассказала, как отец Сергей однажды в Троице-Сергиевой лавре шел вечером в свою келью и, проходя мимо храма, где лежат мощи преподобного, услышал плач. Подошел и увидел совсем еще молодого парнишку, который горько плакал, вытирая шапкой слезы. Отец Сергей расспросил его и узнал, что паренек приехал поступать в семинарию из глухой провинции, где его должны рукоположить в священника, и вот его не взяли. Не взяли, потому что он ничего не знает и церковных книг никогда в руках не держал. «Как же я буду теперь служить, ведь я ничего не знаю!»

Отец Сергей привел молодого человека в свою келью, дал ему Евангелие, Псалтирь, молитвослов и велел не расстраиваться – постоянно читая эти книги, он станет грамотным священнослужителем. Надо сказать, что эти книги купить было нельзя, в храмах они не продавались (кое-что, отстояв большую очередь, можно было раздобыть в лавре).

Прошло какое-то время. Отец Сергей принимает экзамен у священников на заочном отделении; молодой батюшка очень толково отвечает на вопросы, и, не глядя на него, отец Сергей ставит в зачетку «пять». И вдруг слышит:

– Вы меня не узнаете? – Это был тот самый паренек, который плакал у мощей преподобного.

Муж нашей певчей Саша был алтарником. Сейчас он – отец Александр, настоятель большого храма в Щелкове. Саша со смехом рассказывал, как он начинал свое служение. В Гребневе тогда служил отец Дмитрий Дудко – недолго, его арестовали, – а Саша был духовным чадом отца Дмитрия. Приходя в алтарь, Саша, вместо того чтобы помогать священнику, «устремлял очи на небо» и углублялся в молитву. Сначала отец Дмитрий не делал Саше замечаний, но наконец, не выдержав, попросил: «Саша! Ты так усердно молишься, помолись, пожалуйста, и для меня, попроси, чтобы кадило перелетело ко мне по воздуху!»

Когда я стою на нашем Митрофаньевском клиресе и священник выходит с Чашей, читает положенные молитвы, я часто вспоминаю тогдашнего настоятеля гребневского храма отца Михаила. Когда он выходил причащать, то всегда говорил так:

– Подходя к Чаше, не креститесь, дабы не толкнуть Святую Чашу.

Я вспоминаю это «не толкнуть», и сразу вспоминается другое, разное, гребневское...

За пение в хоре мы получали деньги, и немалые по тем временам. Но, зная, что я работаю в школе и не обременена семьей, регент платила мне по-разному: то десять рублей, то двадцать. В то время в деньгах я не нуждалась, но каждую литургию неотступно мучилась вопросом: сколько мне сегодня заплатят, десять рублей или двадцать?

Отец Аркадий очень быстро решил мою проблему:

– Знаешь, Ниночка, – отец Аркадий всегда говорил очень ласково, но мог быть очень строгим, – когда тебе заплатят двадцать рублей, ты лишние десять отдай в храм, как пожертвование, тебе полегчает, вот увидишь! – И правда, все как рукой сняло.

Лето. Певчие разбрелись по усадьбе, в которой стоит храм. Мы ждем венчание, но брачующиеся все не едут. Навстречу мне идет отец Аркадий и очень радостно сообщает:

– Все в порядке, Нин! Они не приедут, но мы их повенчаем заочно!

– Заочно? – Я ошарашенно смотрю на батюшку.

– Ну как же ты не понимаешь? Мы ведь отпеваем заочно, а сейчас повенчаем заочно! – Тогда так непривычно было, что священник тоже может шутить.

Говорить об отце Аркадии и не вспомнить, не вздохнуть о матушке Соне...

Когда она умерла, многие, кто молился о ней, видели ее во сне. А моей подружке матушка Соня не приснилась ни разу. И Аля обиделась на матушку, даже, обращаясь к ней, укорила: «Вот, матушка Соня, я заботилась о тебе, а ты про меня забыла!» И через какое-то время Аля видит во сне очень радостную матушку, которая, обращаясь к ней, говорит: «Да люблю я тебя! Люблю!»

В Гребневе был замечательный дьякон отец Иероним, сейчас он – настоятель храма во Фрязине и очень любим своими прихожанами. Однажды я на минутку зашла в его келью и увидела книгу Виктора Астафьева. Тогда меня это так поразило...

С отцом Иеронимом всегда было интересно. Его очень любили маленькие девочки отца Федора Соколова, и он их любил. Отец Иероним часто рассказывал о своей учебе в семинарии. Однажды он сдавал предмет, которого совсем не знал (надо упомянуть, что отец дьякон был в то время очень занят на приходе, учиться ему было действительно некогда). Преподаватель молчал. Молчал и отец Иероним. И вдруг от отчаяния он решился:

– Батюшка, простите! Почему-то хорошее в голове не держится, зато всякая ерунда сидит крепко!

Священник-преподаватель смягчился и, приподняв брови, глядя поверх очков, спросил:

– Ну, в каком году Русь-то крестили?

– В 988-м!

– Ладно, троечку поставлю.

Помню год, когда была поздняя Пасха. Люба провела с нами спевку, пропели канон и стихиры Пасхи. Некоторые пошли спать. Но мы с несколькими певчими и, конечно, маленькими девочками отца Федора (их спать не уложишь, если рядом отец Иероним) под руководством отца дьякона затеяли костер.

Вечер тихий, уже темно. За усадебной оградой тоже очень тихо. Пройдет всего несколько часов, и начнется пасхальная служба.

Костер слегка потрескивает. Я рассказываю, что последний раз сидела вот так, у костра, подростком. Мы с ребятами решили печь картошку возле дома. И уже когда она почти испеклась, пришел милиционер, сапогами затоптал наш костерок, а нас самих очень грубо разогнал. Было очень обидно.

– От хорошего костра не может быть ничего дурного, – говорит отец Иероним.

Он улыбается и смотрит на огонь. Мы тоже долго-долго смотрим на огонь, то красный, то желтый, то оранжево-коричневый. Пора уже идти на пасхальную службу.

Катехизаторские курсы

В 1990 году в Москве открылись православные курсы катехизаторов. Богословского института еще не было, позже именно эти курсы переросли в Православный Свято-Тихоновский институт. Событие это было чрезвычайное, все хотели учиться на катехизаторских курсах. В то время некоторых преподавателей из семинарии и духовной академии Сергиева Посада сократили, и отец Дмитрий радовался, что теперь они, освободившись, будут преподавать на курсах.

Преподаватели были замечательные. Ветхий Завет, например, преподавал отец Николай Соколов. Мы знали, что династия священников Соколовых не прерывается уже зоо лет, и потому старались спросить его не только о предмете, но и о других важных для нас вещах. Помню неожиданный вопрос одного студента: «Батюшка, а как вы относитесь к евреям?» Отец Николай помолчал, а затем, улыбнувшись, ответил: «Как я отношусь к евреям? У меня жена еврейка!» (Отец Николай и его супруга учились вместе в Московской консерватории, на одном курсе, оба скрипачи.) Он удивительно принимал у меня экзамен. Я отвечала по билету и в какой-то момент поняла, что говорю не то, что нужно. В своем светском институте привыкла: когда говоришь не то, тебя сразу резко обрывает преподаватель. А тут все наоборот: отец Николай ждал окончания моей речи. Затем, помолчав немного (вдруг я еще что-то скажу), поправил меня. Даже сама сдача экзаменов на курсах назидала!

Отец Валентин Асмус, известный своей ученостью патролог, византолог, тоже мог отклониться от темы и ответить на наши вопросы. Например:

– Батюшка, вот вы знаете много языков, и европейских, и древних, какой вам нравится больше всего?

Отец Валентин, не задумываясь, отвечает:

– Церковнославянский!

– Почему?

– Потому что на этом языке не написано ни одной плохой книги!

Когда отец Валентин говорил о своем духовнике протоиерее Всеволоде Шпиллере, то сказал такую фразу: «Он склеил мою жизнь, как склеивают вдребезги разбитый сосуд». Я была в ужасе от его слов: если так говорит замечательный отец Валентин, родившийся в семье не менее замечательного профессора, философа и искусствоведа Валентина Фердинандовича Асмуса, то что же говорить обо мне, о моем сосуде... На экзамене он молча слушает мой лепет. Затем, когда я, обессиленная, останавливаюсь, батюшка, прокашлявшись, говорит: «Да, конечно, это имеет место быть, но...» – и звучит правильный ответ на вопрос в моем билете. Затем ставит оценку и, поднявшись из-за стола в полный свой рост, с полупоклоном благодарит меня за ответ!

Отец Дмитрий Смирнов вел у нас лекции по Новому Завету. Помню, разбирали евангельский текст о свадьбе в Кане Галилейской. «Знаете, – прервал скучный ответ студента отец Дмитрий, – свадьба – это самое радостное, что может быть у человека!» И начал рассказывать о себе, о своих чувствах, о любви к жене. Нам это было очень интересно и воспринималось с благодарностью за то, что с нами так откровенны.

Отец Александр Салтыков на своих лекциях отличался изысканностью речи: «Пожалуйста, – говорил он, когда мы шумели, – повесьте ваши уши на гвоздь внимания!» Показывает он нам замечательные слайды, рассказывает про фаюмский портрет, а дверь в аудитории открыта. Отец Александр прекращает рассказ и говорит громогласно: «Пожалуйста, закройте дверь! Пусть самый благочестивый закроет дверь!» Мы смеемся. А на зачете он мне сказал прямо: «Что же вы так плохо отвечаете, ведь у вас такой хороший отец Дмитрий?» и поставил четверку.

Я была в совершенном восхищении от курсов. Тогда я жила у старенького и больного Матвея Исааковича, ухаживала за ним. Как-то кормя его обедом и не в силах сдержать возбуждения, я говорю:

– Ну вот какой вы еврей? Вы же ничего не знаете о своем роде! Например, из какого вы колена – Сима, Хама или Иафета?

Матвей Исаакович молча жует, потом решительно:

– Я из Хамова колена!

Мы оба смеемся. (Рассказываю отцу Дмитрию на исповеди о своей жизни у Матвея Исааковича. Батюшка задумчиво слушает. «Нин, а ведь он, наверное, очень спокойный человек...»)

Хорошо бы поступить в Богословский институт и учиться дальше! Но я пою на клиросе, а там расписание служб все время меняется, посещать лекции трудно, да и на руках у меня больной Матвей Исаакович.

Легкость в мыслях

Когда моя крестная привезла меня в алтуфьевский храм знакомиться с отцом Дмитрием и мы уже возвращались, на троллейбусной остановке к нам присоединился лысоватый прихожанин, батюшкино духовное чадо. Он выглядел очень несимпатично; к тому же, заикаясь, стал мне объяснять, что в храм нужно ходить в платке. Я знала про платок – кто же этого не знает? – но, конечно, забыла его. Мрачно смотрела я на этого прихожанина и думала: «Вот такие теперь у меня будут церковные женихи!»

Я слышала, что девушки, случается, влюбляются в священника, у которого исповедуются. Я была знакома с одной замечательной Таней (сейчас она уже не Таня и живет в монастыре), которая нечаянно влюбилась в отца Владимира Воробьева и из-за этого решила поменять духовника. Отец Владимир ее уговаривал потерпеть, но она, человек решительный, ушла от него к отцу Дмитрию Смирнову. Знаю еще одну девушку, с которой произошло нечто в этом роде. Со мной это случиться не могло, хотя отцу Дмитрию в момент нашего знакомства было всего 33 года. Нет, я всегда его боялась! Даже жаловалась ему:

– Батюшка, я вас столько лет знаю, а все равно боюсь.

Он, улыбаясь, отвечал:

– Так это же очень хорошо, Ниночка!

В Гребнево приезжал молодой человек по имени Алеша, знакомый отца Федора Соколова, и обедал с нами, певчими. Эти обеды мы очень любили, не только потому, что они были невероятно вкусными (я даже на исповеди жаловалась отцу Аркадию, что всю службу жду этого обеда!), но еще и потому, что мы могли в это время пообщаться друг с другом. Жили все в разных местах, и свободно поговорить со своими о церковном было очень приятно. И вот я стала замечать, что этот Алеша все время где-то неподалеку от меня. Я старалась не придавать этому значения, но в один прекрасный день отец Федор подошел ко мне и пригласил к себе домой. Меня это очень удивило, но когда сам батюшка просит прийти в гости, как тут отказать. Я приехала в Москву к отцу Федору, нашла его дом, позвонила, а войдя в квартиру, увидела там еще одного гостя – Алешу. Я поняла, что отец Федор решил нас познакомить поближе. Батюшка водил нас по квартире (в это время его многочисленная семья была на даче в Гребневе), рассказывал разные интересные вещи. Потом посадил нас на диван, сел посередине и стал показывать семейный альбом. Ах, если бы помнить, что он показывал и говорил! Но я была так глупа тогда... Сидела как замороженная и чувствовала себя очень неловко. Отец Федор как будто бы ничего не замечал. В конце нашей встречи он протянул мне памятную позолоченную медаль с изображением благословляющего Патриарха Пимена и сказал: «Нина, из моего дома никто без подарка не уходит!» Эта медаль хранится у меня до сих пор.

Надо сказать, что Алеша мне очень нравился, он был тихим и милым юношей, очень застенчивым. Но о дружбе с молодым человеком, о замужестве я, тогда ревностная христианка до кончиков ногтей, не могла и подумать. Алеша приезжал еще несколько раз в Гребнево, а потом стало слышно, что он ушел в монастырь. Я очень рада за него.

Позже, когда эта «ревность не по Богу» понемногу сошла на нет, я влюблялась очень часто. Иногда подходила на исповедь и, не улыбаясь, не шутя, а действительно переживая, говорила:

– Батюшка, я влюблена в двух человек!

Отец Дмитрий отвечал в свойственной ему манере:

– Хорошо, что не в трех!

Я поясняла:

– Мне нравится Алексей Павлович и Володя.

– Алексей Павлович женат, – отвечал батюшка (этого я не знала), – а Володя тебе не пара.

Вот так. Как говорили у нас в институте: «Пять минут позора – и все!»

На самом деле жить одной, когда тебе за тридцать, очень непросто. Настроение бывает такое мучительное, что трудно передать. Читаю в «Лестнице» о том, что монашеская жизнь выше естества. Я, конечно, не монахиня, но мне тоже очень трудно. Иду опять плакаться к бабушке.

– Нин, ну что тут поделаешь, да и с твоим здоровьем это невозможно, это будет тяжкий крест.

– Бабушка, а дети? Ведь почти у всех есть дети!

– Ну, дети... Хочешь, я тебе еще один садик дам?

Я вела Закон Божий в детском саду...

Как-то мы ехали с одним священником на машине на кладбище, служить панихиду, и заговорили на эту тему.

– Тяжело тебе, Нин! – посочувствовал он.

– Знаете, бабушка, меня спасает одна вещь: у меня легкость в мыслях необыкновенная, как у Хлестакова...

В молодости больше всех за мной ухаживал Дима. Он был младше меня, терпел все мои выходки, резкие черты характера. Находил меня по всем адресам, а ведь жили мы в Подмосковье, а он в Москве. Даже когда он был уже женат, а наша семья снова переехала в другой городок, он каким-то чудесным образом нашел нас. Я часто вспоминала его. Как-то весной я шла из своего подшефного детсада и, зайдя в метро, увидела Диму. Мы не виделись несколько лет.

– Нинка, – сказал он, – это ты! Я все время о тебе думаю, ты мне даже приснилась недавно!

От таких слов сердце мое затрепетало. Он рассказал о себе, что у него растет дочка. Пришли мы ненадолго и договорились обязательно в скором времени встретиться. Дима дал свой номер телефона, я должна была ему позвонить. После этой встречи я на крыльях прилетела домой (то есть к Матвею Исааковичу), села на кровать и стала перебирать все слова, которые он говорил мне. Вспоминала, вспоминала, а потом подумала: что же я делаю, ведь он женатый человек! И так мне сделалось жалко себя, так жалко, что я зарыдала во весь свой певческий голос. Матвей Исаакович оторвался от телевизора и пришел посмотреть, что происходит. А я, как женщины на похоронах, вожу головой из стороны в сторону и причитаю. Он посмотрел-посмотрел на меня и, как умный человек, вернулся к своему телевизору. Звоню подруге: так и так. Подруга, настоящая христианка, строго говорит:

– Ты не должна с ним больше видеться!

Я опять реву:

– Мне бы только в последний раз на него посмотре-е-еть!

И тут моя дорогая подруга, не отличавшаяся утонченностью и любовью к стихам, говорит вдруг очень поэтично:

– Знаешь, вот он встретится с тобой и принесет своей жене меньше тепла. И вообще, Нин, какие из нас с тобой жены, кто нас возьмет замуж...

Слова о теплоте, которой станет меньше, так на меня подействовали, что звонить я не стала. И потом еще очень долго, делая пересадку на «Новокузнецкой», всегда боялась смотреть на ту скамейку, на которой мы сидели с Димкой...

А подружка моя таки вышла замуж!

У меня есть квартира!

Я уныло стою на исповеди у батюшки.

– Запомни: у тебя никогда не будет квартиры, никогда! Ты к этой мысли должна привыкнуть.

В этих жестких словах заключена, увы, жестокая правда. В нашей подмосковной трехкомнатной квартире живут моя сестра с мужем и ее двое детей, мама, тетя и я... Изменить наши жилищные условия не представляется никакой возможности, тем более что в стране идет перестройка. Сама я сейчас живу в Москве, ухаживаю за Матвеем Исааковичем – но у него был и инфаркт, и инсульт. Каждый раз, когда он попадает в больницу, я перестаю спать, брожу бесцельно по улице и заливаюсь слезами. Если что случится, меня опять поселят к какой-нибудь православной, а я уже знаю, что это такое! Мне очень счастливо живется у некрещеного еврея.

Знакомые водят меня к одиноким православным бабушкам – вдруг кто-нибудь из них, узнав меня поближе, захочет, чтобы я у них пожила, – но яркие старушечьи персонажи из пьес Островского бледнеют после этих знакомств, даю вам честное слово...

Выходит из больницы Матвей Исаакович, радостный и веселый, мы часто смеемся (у него хорошее чувство юмора), но тревога не отпускает. И вдруг начинает происходить что-то удивительное. Сначала муж моей сестры неожиданно получает квартиру в военном поселке рядом с нашим. А моя (мне кажется, очень старая) тетя выходит замуж за такого же очень старого человека и переселяется к нему. Мой папа давно живет отдельно от нашей семьи в своей однушке, но после усиленных уговоров мамы («Смотри, Нинка-то как живет, пожалел бы ее!») прописывает маму в своей квартире – и через некоторое время заболевает и умирает. Мама переезжает в папину однушку, а я становлюсь владелицей трехкомнатной квартиры. Появляется возможность поменяться в Москву. И это сбывается!

– Батюшка, помолитесь, пожалуйста, чтобы нам квартиру поменять! Батюшка, и чтобы с телефоном!

– Что ты волнуешься, зачем тебе телефон? – спрашивает моя регент.

– А как я узнаю, когда будут службы?

– Зато тебя никто не найдет и не вызовет петь в выходной! – отвечает она со знанием дела.

Как это было трудно и волнительно... Но все-таки произошел и обмен, и переезд. От переживаний я совсем перестала спать. Наша певчая, врач, уложила меня в клинику неврозов, где она работала. И все равно сон наладился не сразу.

В поселке, где мы жили, мы могли и послать телеграмму, и заплатить за квартиру на почте, там же было отделение Сбербанка. Поселившись в Москве, я совершенно растерялась: где платить за квартиру? Соседей я не знала и спросила об этом у первой встречной. В те еще советские 90-е годы мало кто снимал или покупал квартиру; женщина ответила мне на автомате, а потом остановилась и какое-то время стояла молча. Было видно, что она решает какой-то вопрос. Найдя ответ, она твердо сама себе ответила: «Сумасшедшая!» и пошла дальше.

Пристрастие к пению

Хор я любила всегда. Когда училась в музыкальной школе, по хору у меня была оценка «пять с плюсом». Моя любимая учительница Татьяна Владимировна ставила мне ее за беззаветную любовь к предмету. Ни особых способностей, ни красивого сильного голоса у меня в детстве не было. Мне очень нравилась сама Татьяна Владимировна, нравилось разучивать новые произведения и все, что мы пели на школьных концертах. «Кругом война, а этот маленький... Над ним смеялись все врачи – куда такой годится маленький, ну разве только в трубачи? А что ему? Все нипочем: ну трубачом, так трубачом!» Сердце стучало, на глаза навертывались слезы, так жалко было маленького погибшего трубача.

Поступить в музыкальное училище я могла только на хоровое отделение, на фортепианный или теоретический факультет меня бы не взяли из-за слабой подготовки. На вступительных экзаменах я так переживала, что до сих пор помню диктант, который мы писали на сольфеджио.

Я очень любила петь, пела везде: дома, в гостях, на улице. Разучивала песни и романсы со старых пластинок, знала много бардовских песен и ходила с ними в походы. Конечно, играла на гитаре и пела у костра. Кто тогда не играл на гитаре и не ходил в походы? Ходили и в Приднестровье, и в Прибалтику, и в Грузию. Когда я начала приучаться к исповеди, одним из первых грехов, в которых я каялась батюшке, было сильное пристрастие к пению.

В училище мне поставили и укрепили голос, я спокойно могла взять очень высокую ноту и долго держать ее. Заведующей нашим отделением, главным дирижером, была Зинаида Сергеевна Числова, очень хороший музыкант. До сих пор помню ее руки: все пальцы были унизаны крупными перстнями и кольцами, в ушах длинные дорогие серьги, на шее кулоны или бусы. Все это немного походило на нарядную новогоднюю елку. Она не была строгой, но дисциплину держала. Иногда она приглашала на занятия мужа, в прошлом своего ученика. Это был мужчина маленького роста, но при неяркой внешности очень обаятельный, а главное – удивительный дирижер. За какой-нибудь час распевки ему удавалось сотворить настоящие чудеса: разбив нас на 5-6 групп (на хоре занимались одновременно четыре курса), он выстраивал из наших голосов аккорды, которые то разделялись, то шли параллельно, то сливались в унисон. Делал он это легко и изящно. Мы замирали от восхищения! Больше всего у нас отнимали время хоровые репетиции. Помню, мы все очень обиделись на нашу Зинаиду Сергеевну, узнав, что ее дочь будет поступать не на хоровое отделение, а на фортепианное. «Вот, – говорили мы, – нас по много часов мучает в зале и твердит, что хор – самое высокое искусство, а дочку бережет!»

Зинаида Сергеевна преподавала еще и в музыкальной школе, поэтому мы часто выступали на разных концертных площадках в качестве школьниц. На нас надевали пионерские галстуки и старались расставить на сцене таким образом, чтобы не было понятно, сколько нам лет. Ленку Киселеву и меня, самых маленьких, всегда ставили в середину первого ряда. Студентки четвертого курса, некоторые из них уже были замужем, стояли в последних рядах, тоже в пионерских галстуках. Пели мы и классику, и современных композиторов. Помню, мы исполняли очень красивое произведение о Москве композитора Николая Ракова. Зинаида Сергеевна билась вместе с нами над сложными местами, а позже ее муж упростил их, не изменяя музыкальную канву. В таком виде мы и спели это в зале Чайковского на юбилее самого Николая Петровича Ракова. Когда отзвучали аплодисменты, он подошел с цветами к Зинаиде Сергеевне, поцеловал ей руку и тихонечко сказал: «Очень благодарен! Но я этого не писал!» Она нам потом с улыбкой рассказала об этом и вспомнила композитора Глинку, который сам прекрасно пел и потому писал вокальные произведения очень удобными для исполнителя (что умеют далеко не все авторы, пишущие для хора).

Девочки, которые учились со мной, почти все имели хороший голос, без этого на хоровое отделение не поступить, но не все хорошо дирижировали. Одна девушка, рыжая, веснушчатая, высокая, работая с хором, выглядела очень нескладной и неловко размахивала руками, но стоило ей сесть за фортепьяно и заиграть джаз, как она становилась другим человеком – очень красивым, ритмичным и музыкальным. Другая, на редкость маленького роста, когда выходила к хору, была настолько уверена в себе, что казалась гораздо выше. Но чаще всего я вспоминаю старшекурсницу Аллу Кирину. Мы разучивали «Песню о криницах» Эшпая. Звучит четырехголосие, а Алла с самого начала поет соло очень красивую музыкальную фразу. Все мы и сами пели неплохо, и в чужом пении разбирались, словом, нас было трудно удивить, но каждый раз, как мы начинали петь эти «Криницы» вместе с Аллой, как по команде все четыре курса замолкали. Снова начинаем петь вместе с солисткой, и снова остановка. Тогда Зинаида Сергеевна, поняв, в чем дело, говорит:

«Аллочка, спой для них!» Алла своим серебряным, удивительным по красоте голосом пропевает свой вокальный кусочек одна. И только после этого мы, успокоившись, начинаем работать над произведением.

Савочкин

Очки в уродливой оправе – большая беда для всех близоруких, особенно для подростков, и особенно для девочек-подростков. В 70-е годы в нашей стране, как известно, продавались очень некрасивые оправы. Очки я начала носить первая в нашем классе. Недалеко от военного городка находился биокOMBинат, рядом с которым жили рабочие этого комбината. Этот поселок славился драками и пьянством. В пятом классе к нам присоединили нескольких учеников оттуда, в их школе было всего четыре класса. Так у нас появился двоечник Савочкин.

Учителей он никогда не слушал, занимался чем угодно, только не уроками. Те давно перестали обращать на него внимание и просто переводили из класса в класс. И вот у Савочкина появилась новая шутка. Сидел он впереди меня на другом ряду. Развернувшись к моей парте и согнувшись, чтобы его не увидела учительница, шепотом, нараспев он начинал меня дразнить: «Очка-арик! А-а очкарик!» Это издевательство могло продолжаться долго, могло быстро закончиться, но повторялось регулярно. Было в этом что-то подленькое, защититься я не могла, даже не знала, что сказать в свою защиту. Тем более сама очень переживала из-за очков. Один раз я в слезах пришла домой и в отчаянии разбила очки об пол.

После восьмого класса я поступила в музыкальное училище, закончила его и стала работать в музыкальной школе. Моего брата, военного, послали служить в Германию, оттуда он привез мне очень красивые очки. В жизни было много нового, интересного, и о Савочкине я, конечно, не вспоминала. И вдруг мы встретились. Он подрос, возмужал, но в общем-то остался Савочкиным. Мы обменялись парой слов, и я двинулась дальше. Но он, внимательно посмотрев на меня, спросил, куда я иду. А шла я на занятия с ребятами, в подготовительный класс. И вдруг он спрашивает:

– Можно пойти с тобой, посмотреть?

Я согласилась не задумываясь. Наша любимая директор школы разрешала присутствовать на уроке родственникам. Ну пусть посидит как родственник. Савочкин отсидел один урок, на сольфеджио для первого класса он побыл совсем немного и ушел. И с тех пор как часы приходил ко мне на урок с подготовишками. Он молча являлся и так же молча уходил, не сказав ни слова. Мы с малышами пели, играли, танцевали, я не обращала на него никакого внимания, было некогда. Лишь иногда, случайно взглянув в угол, где он сидел, я наткнулась на тяжелый, угрюмый взгляд, значения которого не понимала, да и неинтересно мне было разбираться. Так продолжалось, наверное, с полгода. Потом я спохватилась: чего-то не хватает! А это Савочкин перестал приходить, угол, в котором он сидел, опустел.

Больше я его не встречала, а скоро переехала в Москву.

«Кто по городу не ходит, тот четыре кона водит!»

Наш дом в военном городке снесли, а жильцов переселили в разные места. Моей семье не повезло, нас поселили на окраине, в маленьком поселке. Даже не поселке – всего несколько домов между военным аэродромом и железной дорогой. Так что если окна квартиры выходят в разные стороны, то с одной стороны они дрожат от взлетающих или идущих на посадку военных самолетов, а с другой – от проходящих поездов, днем больше пассажирских, ночью – товарных, с большим количеством вагонов. Приезжавшие к нам гости не верили, что к этому можно привыкнуть. Мы же давно перестали обращать внимание на эти звуки. Называется наше местечко просто: «41 км». Но что здесь действительно замечательно – это огромный сосновый бор, который начинается за железнодорожным полотном и тянется на десятки километров.

– Остановитесь, я нашел записку!

Мальчишки стоят совсем рядом со мной. Я сижу на корточках внутри большой пушистой елки. Елка не колючая, внизу широкая, и сидеть мне удобно, но я ужасно боюсь рассмеяться и выдать себя. Мы с ними играем в казаков-разбойников. Честно говоря, я не знаю, как правильно играть в этих разбойников, и по-простому развесила в разных местах нашего леса записки, в которых постаралась запутать мальчишек-казаков. Например, на одной сосне висит записка: «Ура! Вы у цели! Отсчитайте 15 шагов от этой сосны в сторону карьера и найдете то, что вы ищете». В другой записке предлагается сделать что-нибудь особенное, например, три раза перевернуться... Мне двадцать лет, и я играю очень серьезно, самозабвенно. (Отец Дмитрий говорил, что у меня с ребятами разница только в образовании.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.